

Итак, обращение к качественным методам исследования социальной защиты детства связано со *специфическими особенностями предмета исследования, организацией процесса сбора данных и его анализом*:

— изучение фактов, явлений социальной защищенности детства требует «погруженности» исследователя в проблемное поле, обращение к социальным практикам повседневности (история семьи);

— наблюдение в естественной обстановке, взгляд на проблему сквозь призму родительского восприятия;

— измерительные инструменты формируются в процессе полевого исследования, в результате выделяются критерии социальной защищенности детства, осуществляется анализ факторов риска;

— на основе обобщения идей, мнений, суждений, полученных в ходе глубинного интервью с родителями, экспертных опросов специалистов институтов образования здравоохранения, социальной поддержки, правозащитного института, а также данных «мягких» методик исследования детства осуществляется построение концепции социальной защиты детства с выделением рисков и ресурсов системы.

Необычные источники социологической информации, или Как ответ двоечника может помочь социологу

Шушкова Наталья Викторовна, *НИУ ВШЭ*

Анализируя свои исследовательские практики, я заметила, что время от времени для постановки социологических исследовательских задач, формулировки проблем, или даже гипотез, я обращаюсь к письменным работам или устным ответам моих студентов (далее в тексте они называются «ненаправленные высказывания»). Мне представляется, что при некоторых оговорках они могут стать полезным источником первичных социологических данных.

Для чего можно использовать «ненаправленные» учебные высказывания (устные или письменные)? — Преимущественно, для предварительного описания нового предмета исследования. Высказывания позволяют сформировать мозаичное представление о тех областях социальной практики, которая недоступна социологу до начала исследования. Иными словами, использование «ненаправленных» высказываний функционально замещает разведывательный этап социологического исследования. Кроме того, *иногда «ненаправленные» высказывания позволяют открывать для себя новые исследовательские поля*. Так, разговаривая с не слишком хорошо подготовленным студентом о теме социальной структуры современного общества, я узнала, что «крестьянин — слово устаревшее». В ответ на мою просьбу найти «современный» аналог, я получила недоуменный взгляд и комментарий о том, что их сейчас нет и робкую попытку назвать их фермерами, тут же самым студентом отвергнутую. Культурологи установили: нет номоса — значит, нет явления. Действительно, есть ли крестьянство в современной России?

Что нужно сделать, чтобы получить содержательное «ненаправленное» высказывание? — это самый сложный вопрос описываемой исследовательской практики. Конечно же, нужно обратиться к обучающимся с просьбой дать развернутый ответ на учебный вопрос или предложить выполнение «творческого» задания, «мыслительного эксперимента» в рамках учебной дисциплины.

Не все отклики будут социологически информативны. Некоторые будут просто дублировать содержание лекционного курса или учебного пособия (т.е. не будут «ненаправленными»). Некоторые будет слишком сложно интерпретировать. Чтобы избежать первой проблемы, стоит формулировать вопросы и задания так, чтобы ответ на них, при всем старании, не мог быть найден в учебных источниках. Для решения второй, необходимо использовать не одно, а несколько заданий, различающихся по формулировке, лучше с временным интервалом; сравнивать ответы обучающихся из разных групп.

Приведу пример использования «ненаправленных высказываний» для формулировки предварительной объяснительной схемы.

В дисциплине «культурология», читаемой в одном из пермских вузов студентам первого курса всех (в том числе и технических) специальностей, есть темы, касающиеся актуализации имеющихся у первокурсников знаний об экономической системе современного общества¹. Реплики студентов, итоги их размышлений об экономических сюжетах позволили выдвинуть некоторые гипотезы относительно экономической культуры молодого человека, поступившего в вуз. Для начала опишу «инструментарий», с помощью которого экономические суждения были стимулированы, и, как итог, вербализированы студентами. Во-первых, это задание о перечислении социокультурных институтов, входящих в экономическую культуру современного общества. Во-вторых, это вопрос о практическом и символическом значении стипендии для студентов и других социокультурных групп. В-третьих, это описание студентами собственных экономических ролей и правил, по которым эти роли исполняются. Конечно же, следует отметить влияние на ответы знаний, содержащихся в курсе культурологии, и неоднородность высказываний, наблюдающуюся у студентов с разным уровнем подготовки. Тем не менее, большинство студентов пользовалось собственными, уже сложившимися представлениями об экономике, формулируя их с разной степенью детализации. Рассмотрим эти представления.

Экономическая подсистема в сознании первокурсников представляется четко связанной с денежным компонентом. Еще точнее, экономика сводится ими к умению обращаться с деньгами. В экономической подсистеме действуют не люди, не работники, не предприниматели, не фирмы, не промышленные предприятия, а денежные знаки. Собственно, без денежных обменов, экономика вряд ли бы существовала как что-то отдельное.

Умение обращаться с деньгами предполагает относительно однобокий набор технологий по их расходованию. По мнению студентов, деньги — это то, что можно потратить. У денег нет свойства «получения», только обмена на привлекательные блага. Цепочка «труд—вознаграждение за труд» в глазах студентов выглядит непривычной, связанной со скучным миром учебников, и к ним самим практически не применимой. Во всяком случае, оценка стипендии как «вознаграждения за учебные успехи, старания» в ответах первокурсников почти не встречается.

Появившиеся у студента деньги рассматриваются как везение, счастье, «халява». Деньгам, даже в виде стипендии (оцениваемой как маленькая), радуются, но не все хотят «трястись всю сессию, напрягаться, чтобы потом ее получить» (из ответов студентов). Трата денег — это всегда праздник. Стипендию «надо растянуть на весь месяц», но сначала как следует отметить ее получение. Стипендия может закончиться, но это не значит, что студент останется без денег (беспокойства по этому поводу в высказываниях нет). Как утверждает В. Зелизер: «доллар доллару рознь. В обыденной жизни мы приписываем тому или иному виду денег особое значение и используем их определенным образом. Иногда подобное целевое предназначение денег проявляется весьма конкретно»². Что же является «приятной тратой»? Как правило, это покупка еды — от полноценного обеда в столовой, до многочисленных снеков и спиртных напитков.

Получение стипендии расширяет горизонты экономического сознания студентов: в нем появляется тема финансовых учреждений. Среди перечислений экономических институтов почти никогда не встретишь завод, фабрику, фирму, производящую товары или оказывающую услуги (и уж тем более рынок труда), зато присутствуют рынки, магазины, банки и даже биржи. Выстраивается ряд: банк — банкомат — получение денег. Источник денег при этом анонимен и не интересен получателям.

К сожалению, по высказываниям студентов сложно реконструировать влияние денег и отношений, ими вызываемых, на формы взаимодействий между людьми: как в студенческой среде, так и за ее пределами. Скорее всего в рассматриваемой студенческой культуре нет и денег, оцениваемых как серьезные, в противовес «веселой стипендии». Ясно одно: практики обращения с деньгами не способствуют рационализации поведения. Приведенный выше пример позволяет говорить и об ограничениях техники ненаправленных высказываний.

¹ См.: Лейбович О.Л. Десять лекций по культурологии. Пермь, 2010.

² Зелизер В. Социальное значение денег. М., 2004. С. 35.

Во-первых, ее нетребовательность оборачивается значительными временными затратами на сбор информации. Неконтролируемый процесс сбора может затянуться дольше предполагаемого срока. Поэтому техника может быть полезной только социологам, значительно включенным в учебный процесс, постоянно находящимся в коммуникациях со студентами. Специально инициировать проникновение в студенческую аудиторию, чтобы задавать вопросы в надежде получить информативные «ненаправленные» высказывания, неэффективно.

Во-вторых, остро стоят вопросы репрезентативности и валидности информации. Данные ненаправленных высказываний будут характеризовать определенную социальную группу — студентов вузов и социальные события, с ними происходящие, и, лишь иногда, преломленные через призму их социального воображения, иные социальные процессы и группы общества.

В-третьих, ненаправленные высказывания могут оказаться артефактом, т.е. тем представлением, которое сам исследователь случайно сконструировал и вербализировал, а обучающиеся затем воспроизвели.

В-четвертых, целый веер этических вопросов. Учебные задания подразумевают ясную шкалу оценок. Добываясь ненаправленных высказываний, исследователь ставит под сомнение свою возможность оценивать ответы. Техника ненаправленных высказываний — это вид скрытого исследования: те, кто в нем участвуют, не могут быть оповещены о целях исследования и даже о том, что они включены в исследование. Тем самым проблематизируется поле доверия «учитель–ученик».

Методологическим обоснованием для использования этой техники может стать фраза одного немецкого социолога: «Знаете, если бы мне действительно было нужно понять итальянское общество, я бы не рассылал анкеты, а пошел бы в кафе за углом. Чтобы понять немецкое общество, я иду в пивную, а если я хочу понять британское общество, иду в паб. И там просто смотрю по сторонам»¹.

Технология изучения социального дна: развернутое описание случая

Ярошенко Светлана Сергеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данной работы — представить и обсудить методику монографического изучения «новой» бедности в постсоциалистической России, проводимого в течение десяти лет совместно с коллегами из сектора экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Изучение бедности было начато в середине 1990-х гг., то есть практически одновременно с ее расширенным распространением на работающее население. Основной задачей изучения феномена, который еще только появлялся и кристаллизовался, было понимание механизмов его (вос)производства. Для решения задачи как нельзя лучше подходил метод развернутого монографического исследования, который позволял фиксировать изменения в социальном контексте и предоставляемых рыночной средой возможностей, в значениях и смыслах, приписываемых материальному достатку, в стратегиях (способах) его достижения.

Метод развернутого монографического исследования (*extended case method*) разработан Майклом Буравым, профессором социологии Калифорнийского университета (Беркли, США). Он основан на принципах, альтернативных четырем «R», предложенных Дж. Катцем и ассоциируемых с позитивизмом: *Reactivity, Reliability, Replicability, Representativeness*². Они были критически осмыслены в ходе двадцатилетней исследовательской работы Буравого в различных странах, испытывающих трансформации. Таким образом, *реактивность* (*reactivity*) достигается не за счет дистанцирования, а через взаимодействие с объектом исследования; *надежность* (*re-*

¹ Цит. по: Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 4.

² Katz J. A theory of qualitative methodology: The social system of analytical framework // Contemporary field research / Ed. by R. Emerson. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, 1983.